

В тесной ванной комнате стоял густой пар. Иту, будучи полностью обнажённым, находился под струями душа, когда в помещение без предупреждения вошёл другой человек. На лице юноши промелькнуло изумление, и в момент вторжения он успел лишь слегка отвернуться.

Горячая вода, непрерывно струившаяся из душевой лейки, смывала пену с его волос. Белые, нежные хлопья скользили по изящным изгибам тела, исчезая в укромных местах. Взгляд Цзян Ханьюя, прямой и неприкрытый, даже обжигающий, впился в фигуру Иту.

Они молча смотрели друг на друга несколько мгновений, прежде чем Иту наконец пришёл в себя. Откровенный, почти собственнический взгляд мужчины, словно тот заявлял права на чужую территорию, заставил его почувствовать себя крайне неудобно, будто по коже пробежал электрический разряд.

— Насмотрелся?

Он протянул руку и выключил душ. Когда пар немного рассеялся, стройное, бледное тело предстало перед глазами собеседника ещё отчётливее. Иту не боялся чужих взглядов — в конце концов, они оба были мужчинами. К тому же его фигура была далека от того, чтобы её следовало стесняться.

Но столь бесцеремонное разглядывание он встречал впервые.

Когда Иту потянулся за полотенцем, висевшим на вешалке, Цзян Ханьюй внезапно шагнул ближе. Не успел юноша среагировать, как тот перехватил его руку.

— Что ты делаешь?

Иту почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что-то во всём этом было не так.

— Так вот оно где.

Голос мужчины был низким, но в нём слышались странные нотки удовольствия.

«Что?» — Иту нахмурился и попытался высвободиться, но внезапно всё его тело пронзила дрожь.

Горячие кончики пальцев Цзян Ханьюя коснулись его кожи. Подушечки ощутили влажную и нежную плоть.

— Моя метка.

Его пальцы, едва коснувшись, тут же отстранились, легко, словно пёрышко, скользнув по самому сокровенному месту на правой груди Иту, отчего кожа там мгновенно онемела.

Юноша инстинктивно отступил на шаг, но его обнажённая спина тут же прижалась к холодному кафелю. Он рефлекторно прикрыл рукой то место на груди, о котором почти успел забыть.

Взгляд Иту встретился с глубокими глазами мужчины, и ему показалось, будто он падает в чёрный водоворот.

— Уродливо, правда?

Губы Цзян Ханьюя слегка изогнулись, но выражение лица оставалось непроницаемым. Иту, однако, понял, что речь идёт о метке.

— Нет... Уйди.

Он легонько толкнул его. Так вот в чём дело: этот пёс просто хотел посмотреть, где находится клеймо. Сказал бы раньше, зачем было устраивать эту странную сцену.

Однако толчок не возымел никакого эффекта. Иту поднял на него глаза и слегка нахмурился. Собеседник же, казалось, развеселился ещё больше. Он перехватил руку Иту, державшую полотенце, и прижал её своей.

«Не заставляй меня ругаться матом (улыбка.jpg)», — подумал Иту.

Мужчина слегка наклонил голову. Из-за их небольшой разницы в росте, когда Иту смотрел прямо, его взгляд упирался в бледную, изящную шею Цзян Ханьюя. Вздувшаяся бирюзовая вена была хорошо видна, но посередине она словно обрывалась.

Сердце Иту дрогнуло. Он мгновенно понял, на что намекает этот человек.

Когда полотенце наконец было убрано, взору предстала ярко-красная метка.

Червонная дама.

— Красиво? — улыбнулся Цзян Ханьюй.

Иту несколько секунд смотрел на неё, и в его глазах промелькнуло странное выражение.

— Нет, тоже некрасиво. А теперь выйди.

На этот раз голос юноши звучал непоколебимо твёрдо.

Когда они снова встретились в комнате, Иту уже был в пижаме, не оставлявшей ни единого открытого участка кожи. Его партнёр с явным разочарованием отвёл взгляд. Честно говоря, хотя внешность его «супруга» была довольно обычной, фигура оказалась выше всяких похвал.

Иту не знал о мыслях, роившихся в голове Цзян Ханьюя. Он сел на своё место; на столе лежала тетрадь по математике, которую он приготовил ещё до душа. Эту тетрадь принесла из кабинета Учителя-паука староста Цзи Хань. Раздавая задания, она особо подчеркнула, что работу соберут завтра утром.

Хотя завтра математики не было в расписании, на всякий случай лучше было выполнить требование.

Юноша раскрыл её. Внутри были две задачи из школьного курса: одна на окружности, другая — на треугольники. Задания не казались сложными, но требовали кропотливых вычислений. К тому же под рукой не было карандаша, что затрудняло построение чертежей.

Тут Иту обернулся и посмотрел на соседний стол. Тетрадь Цзян Ханьюя тоже лежала на виду. Поскольку тот сейчас ушёл в душ, у Иту тут же созрел план.

Он подошёл, взял тетрадь и открыл её. Там также были две задачи. Одну из них Иту помог ему решить ещё на уроке. Вторая была выполнена лишь наполовину, но когда он перевернул страницу, то увидел строчку, написанную красной ручкой:

[Что больше всего любит есть учитель математики?]

А под этой строкой чёрной ручкой небрежно и торопливо был нацарапан ответ:

[Не знаю]

Иту не смог удержаться от смеха. Он был уверен, что эти слова были написаны совсем недавно. Чернила ещё не успели полностью высохнуть, а рядом виднелось несколько небрежных кружков. Удивительно, как он вообще смог разобрать эти каракули.

«Неужели он, едва начертив эти круги, сразу же ворвался ко мне в ванную?»

Ручка была брошена как попало и теперь безмятежно покоилась на столе. Иту представил себе эту картину, и уголки его губ поползли вверх. В этот момент за спиной раздался спокойный голос:

— Что ты делаешь?

Юноша обернулся. Мужчина неизвестно когда успел закончить мыться и теперь стоял перед ним с обнажённым торсом, в одних широких шортах.

— Кхм, я хотел доделать твою математику, — Иту помахал тетрадью. — Ты ведь решил только половину.

— Тогда почему ты смеялся?

Цзян Ханьюй бросил на него короткий взгляд и, подойдя к шкафу, повесил полотенце.

— Не знаю.

Тот на мгновение замер, продолжая вытирать голову. Он так и не понял, что это «не знаю» и было причиной смеха.

А Иту уже вернулся на своё место и сосредоточенно принялся за решение задач. К тому времени, как он закончил, было почти девять вечера. До отбоя оставалось полчаса. Ни он, ни Цзян Ханьюй не торопились ложиться.

Вскоре снизу донёсся глухой удар — это заперли главную дверь общежития. Иту посмотрел в окно. Свет в коридоре уже погас, снаружи царила кромешная тьма. В такое время никто не осмеливался слоняться по зданию. За тишиной скрывалась ещё более глубокая, зловещая тишина.

Когда свет в комнате окончательно погас, мир погрузился во мрак.

Иту и Цзян Ханьюй забрались в свои постели. Кровать первого была расположена изножьем к двери, а кровать второго — изголовьем. Их места стояли со смещением, из-за чего Иту постоянно поглядывал на окно.

Как и на карточном поле «Деревенский ритуал», в комнатах с окнами всегда что-то происходило. Но в этот раз обстановка внушала больше доверия, чем в том ветхом домике в деревне Мэнцзя. Всё-таки дверь в их комнату была железной, что дарило чувство безопасности.

Несмотря на это, уснуть юноше всё равно не удавалось. Цзян Ханьюй, лежавший справа, затих

сразу же. Не было слышно ни скрипа кровати, ни дыхания. Если бы не одеяло, вздымавшееся небольшим холмиком, можно было бы подумать, что в комнате никого нет.

Иту попытался заснуть. Он уже собирался перевернуться на другой бок, когда в окне мелькнул слабый огонёк. Луч света исходил откуда-то издалека и медленно приближался.

«Должно быть, это тётушка-комендант совершает свой обычный обход», — догадался он. Когда он учился в школе, парни в общежитии часто тайком играли в карты, и их ловили, а потом отчитывали перед всеми. Это карточное поле было почти неотличимо от реальности, по крайней мере, правила были универсальными.

И действительно, когда свет стал ярче, Иту, прищурившись, увидел низкорослую, полную фигуру с фонариком. Её черты лица были плоскими, а под ярким лучом кожа казалась мертвенно-бледной.

Тётушка-комендант промелькнула в окне и исчезла. Юноша не заметил ничего необычного. Тьма снова окутала его, и вскоре навалилась сонливость. Когда его мысли начали путаться, он перевернулся во сне. Кровать была узкой, и Иту, привыкший к огромной домашней кровати шириной метр восемьдесят, случайно ударился ногой о бортик.

Он инстинктивно отдёрнул ногу. В этот момент на его веках вспыхнул свет. Мысли мгновенно прояснились, и он рефлекторно открыл глаза. И тут же его взгляд встретился с фигурой, стоявшей прямо за стеклом.

Это был высокий, неестественно худой человек. Свет фонаря заливал комнату мертвенно-белым сиянием. Разум Иту на несколько секунд оцепенел. Через мгновение он понял, что это вторая тётушка-комендант.

Она остановилась напротив их окна и молча смотрела на бодрствующего студента. Её вытянутое лицо в свете фонаря было лишено выражения, а глаза неотрывно буравили юношу. После трёхсекундной дуэли взглядов Иту отвернулся и тут же зажмурился, стараясь не шевелиться. Эта тварь застала его в момент пробуждения, и он не знал, что за этим последует.

«Неужели бессонница тоже считается нарушением?» — лихорадочно размышлял он.

Пока он гадал, послышался скрежет открывающейся двери. Сердце Иту сжалось. Он постарался максимально расслабить тело. У комендантов были ключи от всех комнат. В этот момент он впервые подумал, что даже хлипкая деревянная дверь в деревне Мэнцзя была надёжнее.

Раздались тихие шаги, которые вскоре замерли прямо под его кроватью.

«Она что, собирается лезть наверх?»

В этот напряжённый миг чувства тревоги уступило место холодному расчёту. Юноша начал взвешивать шансы на то, чтобы разбудить Цзян Ханьюя. Однако время шло, а звука шагов по лестнице так и не последовало. К тому же, в их общежитии кровати стояли на высоких опорах над рабочими столами. Любой, даже самый лёгкий человек, взбираясь наверх, непременно вызвал бы вибрацию.

«Она не полезла».

Осознав это, Иту захотелось открыть глаза и проверить, ушла ли незваная гостья. Но не успел он это сделать, как почувствовал на своём лице холодное, змеиное дыхание.

Тварь каким-то образом оказалась прямо перед ним!

Иту не успел даже сообразить, как это произошло. Комендантша не поднималась на кровать, но откуда тогда это дыхание? Ледяное, давящее присутствие не исчезало. Она смотрела на него в упор. Стоило Иту выдать себя малейшим движением, и его ждала смерть.

Минуты тянулись вечно. Когда юноша был уже на грани, со стороны его соседа раздался глухой удар. Цзян Ханьюй тоже, перевернувшись во сне, ударился о бортик. Звук был таким громким, что кровать ощутимо содрогнулась.

После этого удара тварь, поколебавшись, наконец отстранилась. Зловещее присутствие исчезло, и Иту с облегчением выдохнул. Он немного помедлил и всё же приоткрыл глаза.

От увиденного у него едва не остановилось сердце.

Высокая комендантша по-прежнему стояла внизу, но её шея стала невероятно длинной. Этой длины хватало, чтобы она могла положить голову на подушку студента и пристально наблюдать за ним. Именно это она сейчас и делала: длинная шея изгибалась в воздухе, поддерживая маленькую голову, которая теперь покоилась у изголовья Цзян Ханьюя.

Иту смотрел на это, оцепенев от ужаса. Внезапно тварь, словно почувствовав его взгляд, резко повернула голову. Однако в тихой комнате, кроме неё, не было никого, кто бы не спал. Она долго смотрела на мужчину. Спокойное лицо спящего казалось мягче, чем обычно, а дыхание было почти неслышным.

Казалось, он действительно спал. Не найдя ничего подозрительного, она с явным разочарованием втянула голову обратно. Раздался звук закрывающейся двери и окна. Комендантша ушла.

Через некоторое время Иту снова сел в постели. В абсолютно тёмной комнате он посмотрел направо. Юноша думал, что Цзян Ханьюй проснулся, но на самом деле тот даже не пошевелился. Тёмно-синее одеяло лишь слегка изгибалось. Иту тихо позвал его по имени, но

ответа не последовало.

Он действительно спал. Оказывается, лучшим способом избежать опасности ночью было просто спать. Как иронично. Иту посидел немного в тишине и снова лёг. Мысль о том, что завтра ему предстоит экзамен, на который он не может пойти, вызвала головную боль.

Среди сумбурных мыслей усталость взяла своё. Но спал юноша беспокойно. Снаружи то и дело доносились какие-то звуки. Они были негромкими, почти неразличимыми, но быстро обрывались, словно их что-то пугало. Потом снова вспыхивал свет.

Иту находился в полудрёме. Ему казалось, что кто-то постоянно бродит под его кроватью. Звук волочащихся тапочек раздавался снова и снова. Он был тихим, но ужасно раздражающим. Когда он уже почти проснулся от этого шума, тот внезапно прекратился. Затем послышался скрип — кто-то спускался. Иту в полусне подумал, что это Цзян Ханьюй, хотя движения того были очень лёгкими.

Дверь в ванную открылась. Теперь Иту окончательно проснулся. Он инстинктивно посмотрел направо. Сосед, который должен был спать, исчез. Одеяло было откинута в сторону. Юноша на мгновение замешкался, потом сел и позвал мужчину по имени.

Цзян Ханьюй не услышал.

Выхода не было. Иту решил спуститься и найти его, к тому же ему самому захотелось в туалет. Но когда он оказался на полу, то обнаружил, что его тапочки пропали. Он стоял босиком в полном недоумении. Куда делась обувь? Юноша обыскал всё вокруг, но её нигде не было, даже под кроватью. Тапочки просто испарились.

К счастью, пол не был холодным. Иту направился в сторону ванной. Туалет и душевая у них были отдельными: туалет справа от входа, душевая — слева. Подойдя ближе, он увидел, что дверь в коридор была приоткрыта. Ему это показалось странным. Он подумал, что Цзян Ханьюй вышел наружу.

Но не успел Иту потянуться к ручке, как мужчина сам вышел из уборной. Тот по-прежнему был без рубашки. Его обнажённая грудь казалась холодной и бледной в полумраке. В карих глазах не было и намёка на сон, а брови были слегка нахмурены.

Иту было всё равно, выпался партнер или нет.

— Зачем ты надел мои тапочки?

На ногах Цзян Ханьюя были те самые зелёные тапочки с динозавриками. Они были ему явно малы. Как в них вообще можно было ходить? Иту был крайне раздосадован.

Мужчина молча смотрел на него несколько секунд, а потом холодно усмехнулся. Внезапно его длинная рука метнулась вперёд. Иту вздрогнул, подумав, что тот решил сорвать на нём злость, но Цзян Ханьюй просто распахнул дверь комнаты. Юноша инстинктивно выглянул наружу и замер от изумления.

Весь коридор был испещрён кровавыми следами, оставленными чем-то, что волокли по полу. А виновниками были пары тапочек, которые сейчас нерешительно бродили по коридору. Это были разнообразные тапочки, надетые на обрубки ног. Шлёпанье доносилось то издалека, то совсем рядом, то снова исчезало в темноте.

Иту насчитал по меньшей мере пять пар. А это означало, что таких обрубков, оторванных у самой лодыжки, было как минимум десять конечностей. Среди них он узнал и обувь Цзян Ханьюя. Это были нелепые жёлтые тапочки с уточками. Слишком большие, они с трудом держались на маленьких ступнях, из-за чего те двигались особенно неуклюже.

Иту наконец понял, что за шлёпающий звук он слышал в полусне.

— Как они сюда попали? — спросил он с изумлением.

Дверь общежития была заперта. Как эти ноги смогли войти?

— Думаешь, здесь только ноги?

Юноша замер и инстинктивно посмотрел на ручку двери. Там действительно висела оторванная рука. Окровавленная, но всё ещё изящная маленькая кисть крепко вцепилась в металл. Рука открыла дверь, а ноги вошли в комнату.

— Что происходит?

Иту нахмурился. На самом деле не только на их двери висела рука — на дверях всех комнат было по одной. Но не все поддавались. Многие были заперты изнутри. А вот их дверь комендантша открыла, и они не стали её снова запирают.

И каков результат? Пропала пара тапочек.

Иту невольно посмотрел на Цзян Ханьюя и постарался изобразить самую дружелюбную улыбку:

— Мои тапочки... не слишком жмут?

Он поднял озябшую босую ногу. Если можно, он бы предпочёл сейчас обуться.

Цзян Ханьюй улыбнулся:

— Что ты, в самый раз, совсем не жмут.

Иту промолчал. «Хорошо, раз ты так говоришь», — подумал он.

Пока они разговаривали, одна из пар ног приблизилась, явно намереваясь войти. Цзян Ханьюй скривился от отвращения, схватил швабру и с силой отшвырнул эту гадость прочь. Сразу после этого он плотно закрыл дверь. Вся последовательность действий была выполнена с поразительной лёгкостью.

— Как грязно.

Бросив швабру, мужчина вернулся в постель. А Иту, посмотрев на кафельный пол, всё же решил найти себе другую пару обуви. Хотя Лю Цзыи и Пань Хуа больше не было в живых, их вещи остались. В темноте он пошарил у кровати Лю Цзыи и нащупал пару чёрных тапочек. Они были ему немного малы, но это лучше, чем ходить босиком.

Сходив в туалет, юноша выглянул в окно. Существа в коридоре всё ещё беспорядочно шлёпали туда-сюда. Вероятно, время обхода комендантов уже закончилось, им тоже требовался отдых. Прежде чем лечь, Иту не забыл запереть дверь. Он не хотел, чтобы к утру у него украли ещё одну пару.

Он не знал, откуда взялись эти конечности, но их было так много, словно их клонировали. Все они выглядели абсолютно одинаково. Это походило на то, что все они принадлежали одному человеку. Ведь Е Ли, покончившая с собой, исчезла из сугроба. Очевидно, это были части её тела. Но такое количество ног позволяло собрать не одну копию. Что-то массово производило мёртвую Е Ли, но могло создавать лишь отдельные конечности. Эти искажённые части не могли собраться в единое целое.

Причём эта копия была неточной. Иту помнил, что нога Е Ли была покусана собакой, она хромала. А у этих ног не было никаких следов укусов. Это были неудачные образцы, брошенные как отходы. Иту даже показалось, что тот, кто их создавал, не мог остановиться. В учебном корпусе тоже были руки, но здесь их оказалось гораздо больше.

«Может, их рожала та женщина с огромным животом?»

Чем больше юноша думал, тем больше запутывался. Вскоре, утомлённый, он снова провалился в сон.

На следующее утро Иту и Цзян Ханьюй умылись и вышли из комнаты. Часы показывали ровно

восемь, до первого урока оставалось полчаса. Другие игроки тоже начали выходить. Лица у всех были измождёнными; очевидно, ночь выдалась тяжёлой для каждого.

Когда они спускались, полная тётушка-комендант усердно оттирала пол. За ночь кровь застыла и покрылась пятнами, убрать её быстро не получалось. Иту посмотрел на извилистые следы, тянувшиеся до самого конца коридора. Он остановился.

— Тётушка, когда появилась эта кровь?

Та на мгновение замерла. Она подняла голову и посмотрела на улицу, пробормотав:

— Снег, снег идёт уже три дня и три ночи, и всё никак не прекратится...

Иту замер. Он отчётливо произнёс «кровь», а не «снег». Но комендантша ответила невпопад, словно не желая слышать вопроса.

Когда они пришли в класс, двое учеников вбежали в последнюю минуту. Первого Иту не помнил, скорее всего, это был NPC. А вот второй был игроком. Его лица юноша не запомнил, но узнал белую костяную цепь на шее, похожую на собачьи клыки.

Ван Пэйци выглядел скверно. Он едва успел до звонка. На той самой доске-плакате одним из условий его смерти было именно опоздание. Когда он сел, в классе оставалось три пустых места — места игроков, погибших вчера.

Иту не ожидал, что ночь пройдёт без новых жертв. Происшествия были, но, по крайней мере, никто не умер, и это внушало надежду.

Пока он размышлял, староста Цзи Хань начала собирать домашние задания.

<http://bllate.org/book/15886/1428714>